

Т. Б. Радбиль (Нижний Новгород)

**КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ АПРОПРИАЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В ИЗУЧЕНИИ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ**

Языковая среда интернета сегодня является средоточием наиболее репрезентативных инноваций, происходящих в русском языке, она представляет собой одну из наиболее динамичных и активно развивающихся коммуникативных систем в современной русской речевой практике, своего рода лабораторию языковых инноваций.

Научная идея исследования – выявить стоящие за активными процессами в языке современного интернета форматы знания, ценностные приоритеты и модели коммуникации носителей языка как пользователей интернета, игровые и манипулятивные речевые стратегии и тактики в интернет-коммуникации, т. е. установить по языковым данным интернета, как сегодня меняются национально-специфичные, традиционно русские способы языкового освоения действительности, насколько серьезны изменения в той концептуальной области, которую принято именовать «русская языковая картина мира».

Мы исходим из того, что для русского языка как отражения типично русского способа смотреть на вещи происходит своего рода «переиначивание» семантики и оценочной сферы заимствованных слов как знаков «чужих» ценностей или инокультурных моделей поведения. «Знаковые» в каком-либо отношении заимствованные слова (реалии новой действительности, термины, идеологемы, аксиологемы и пр.) в дискурсивных практиках современных носителей языка подвергаются обязательной культурной апроприации в духе исконно русских моделей языковой концептуализации мира [1]. Таким образом, в плане современных инновационных тенденций в лексике и грамматике русского языка, как он представлен в коммуникативной среде

интернет, мы имеем дело с так называемой «**культурной апроприацией заимствований**» [2].

Суть этого процесса, имеющего комплексную (когнитивную, семиотическую, культурную, коммуникативно-прагматическую, регулятивно-ценностную, речеповеденческую и пр.) природу, заключается в том, что иноязычные по происхождению элементы разных уровней языка в дискурсивных практиках носителей русского языка подлежат обязательно приобщению к исконно русским моделям языковой концептуализации мира, ценностным приоритетам и коммуникативно-прагматическим установкам, т. е. к тому, что несколько нетерминологично можно именовать «русский взгляд на вещи».

Что же это за исконно русские модели мира, ценностные приоритеты и коммуникативно-прагматические установки, рефлексy которых нам предстоит искать в новообразованиях в среде интернет? В работах А. Вежбицкой, А. Д. Шмелева, А. А. Зализняк, И. Б. Левониной и др. были выявлены разнообразные базовые доминанты «семантического универсума» русского языка. Назовем некоторые из них, наиболее репрезентативные в плане нашего исследования: установка на эмпатию [3]; чрезмерная гиперболизация в языковой концептуализации ситуации [2]; гипертрофия общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий («моральная страстность», по А. Вежбицкой [3]); острая реакция на ложные, с точки зрения носителя языка, ценности или претензии (на «пошлость» [4]); соотнесенность самых простых вещей, свойств, процессов или явлений с духовным идеалом [5]; ироническое «остранение» карнавального типа и пр. [2; 5] и др.

Заемствованные элементы, изначально являясь знаками чужой культуры и даже на формальном уровне сохраняя внешние маркеры «чужести», становятся, по сути, принадлежностью «русского мира». При этом культурная апроприация иноязычных элементов имеет вполне отчетливые фонетические и орфоэпические, семантические, лексические, словообразовательные, грамматические, функционально-стилистические признаки, по которым можно диагностировать степень культурной апроприации того или иного инновационного образования с иноязычными строевыми элементами. Эти признаки мы предлагаем именовать параметрами оценки степени культурной апроприации, которые выделяются на разных уровнях системы языка и в разных сферах ее функционирования: (1) на уровне лексико-семантическом; (2) на уровне словообразовательном; (3) на уровне грамматическом; (4) на уровне коммуникативно-дискурсивном.

Далее в работе мы рассмотрим рефлекс культурной апроприации заимствований в интернет-коммуникации на лексико-семантическом, словообразовательном, грамматическом и коммуникативно-дискурсивном уровнях.

На лексико-семантическом уровне рефлекс культурной апроприации иноязычных элементов в языке интернета, как было сказано ранее, проявляются в приобретенной идиоматичности, которая находит свое выражение в разнообразных смысловых и эмоционально-оценочных приращениях (в сравнении с языком-источником).

В результате этого возникают любопытные когнитивные эффекты так называемой «концептуальной двуплановости» получившихся новообразований, механизмом которой является «скрытая» предикация. В таких словах мы можем выделить своего рода **диктумную часть**, актуализующую номинативное содержание понятия, выраженное заимствованным элементом, и **модусную часть**, представляющую точку зрения говорящего на объект номинации, – сложный комплекс оценочной реакции говорящего на данное понятие, выраженный исконно русским формантом.

Рассмотрим, например, лексему *смайлик*. Иноязычный компонент – корень СМАЙЛ- – выступает как **диктумная часть** (номинативное содержание понятия): ‘эмотикон; в электронной коммуникации – установившееся графическое обозначение, символ для передачи разнообразных эмоций отправителя информации’; русскоязычный компонент – суффиксальный субморф -ИК- – выступает как **модусная часть** (точка зрения говорящего на объект номинации): указание на малый размер; категоризация по мужскому роду; эмпатия («уменьшительно-ласкательный» оттенок смысла) как выражение положительной эмоционально-оценочной реакции говорящего на объект номинации. В результате мы имеем дело со **скрытой предикацией**: объект перестает быть просто графическим символом; он вписан в систему ценностей «русского мира», его бытие лично переживается говорящим посредством включения особого эмоционального, задушевного отношения к объекту номинации и к ситуации общения в целом.

Точно так же ведут себя и глагольные лексемы типа *отфрендить*, *затроллить*, *коннектить(ся)*, *приаттачить*, *поселфиться* и пр. Феномены подобного рода являются не злом, а подлинным благом для русского языка как носителя коллективного сознания и коллективной памяти этноса. Ведь подобные концептуально насыщенные номинации расширяют вариативность в обозначении явлений внешнего и

внутреннего мира, раздвигают горизонты познания действительности и обогащают экспрессивный и креативный потенциал языка. Используя иноментальные элементы, мы включаем их в исконно русские мыслительные схемы и паттерны оценочной реакции на мир вне и внутри нас, делая чужое своим.

На словообразовательном уровне рефлекс культурной апроприации иноязычных элементов в языке интернета проявляются в их вовлеченности в типично русские модели словообразования, в том числе экспрессивного. Очень показательным примером «культурной русификации» иноязычных элементов в языке интернета является использование диминутивов, которые как раз ориентированы на включение инокультурных реалий и понятий в тотальный круг типично русской эмпатии – личностной вовлеченности говорящего в номинацию вещей и событий, его особую эмоциональную реакцию на них.

Особый интерес в этом плане представляют варианты эмоционально-экспрессивные образования неолексем, которые, помимо диминутива с суффиксом -УШК-, могут реализовать другую версию, с просторечным суффиксом -УХ-; так, например, наряду с диминутивом *превьюшка* (англ. *preview* – ‘предварительный просмотр’): *Я загружаю размером одним, а превьюшка представляется совсем в другом размере и намного меньше, чем мне надо* (URL: <https://drupal.ru/node>), – имеется и *превьюха*: *Возникла такая проблема, перестали генерироваться превьюхи* (URL: <https://ru-lightroom.livejournal.com/>).

Другую культурную установку – на чрезмерную гиперболизацию при номинации самых обычных лиц, вещей, явлений или событий – отражает модель окказионального образования аугментативов («увеличительных» неолексем) на базе иноязычных корней посредством размерно-оценочных суффиксов, например, *респектище* [англ. *Respect*] – выражение благодарности, уважения: *Респектище тебе, добрый человек!* (URL: <https://www.ejabberd.im/node/2661/index.html>).

На грамматическом уровне рефлекс культурной апроприации иноязычных элементов в языке интернета проявляются в их грамматической оформленности по законам русской морфологии, т. е. в приобретении склоняемости или спрягаемости, в категоризации по русским морфологическим именным категориям рода, числа, падежа, глагольным категориям возвратности и безличности и пр., изначально несвойственной этим единицам в языке-источнике.

Так, в грамматике русского глагола типично русские способы языковой концептуализации мира при концептуальном освоении заим-

ствований в языке интернета проявляются в вовлечении иноязычных глагольных корней в модели пассивизации и имперсонализации.

Культурная апроприация иноязычных корней в грамматике русского языка интернета прежде всего обнаруживает себя в распространенности **безличных форм** глагола: *Забанил в одном месте – забанилось везде* (URL: forum.sape.ru); *Правда, плюс в том, что законнектилось очень быстро и настроек минимум* (URL: forum.electrostat.com/); *Да просто снова затроллилось и не живет спокойно!* (URL: <https://foren.germany.ru/>).

Кроме безличности, к интересующим нас случаям в языке интернета относятся примеры **пассивизации** – образования возвратных глаголов на базе заимствованного компонента: *У меня есть бэйсик, но есть ли смысл ангрейдиться, если через несколько месяцев выйдет новый аддор?* (URL: <https://eu.battle.net/forums/ru/>); *Ты слышала, она контактилась?* (URL: <https://vk.com/lookvk>).

На коммуникативно-дискурсивном уровне рефлекс культурной апроприации иноязычных элементов в языке интернета проявляются в расширении изначально специализированной сферы их употребления и переноса моделей их дискурсивной реализации в другие, уже неспециализированные сферы.

Согласно нашей концепции, именно изменения коммуникативных условий функционирования новообразований на базе иноязычных элементов являются существенным диагностическим признаком их аккультурации, инкорпорации в «русский мир». Так, *банить, коннектиться* и *троллить* теперь тоже можно не только в интернет-пространстве: [заголовок] *На Украине Льва Толстого «забанили» за «агрессорску мову»*. [подзаголовок] *В Хмельницком запретили постановку «Анны Карениной» театра-студии из Киева* (URL: <https://www.nnov.kp.ru/>); *15 февраля. Как Зима с Летом коннектились* (URL: istorii.net.ua/nonformat/); *Как троллить жену / девушку?* (URL: <https://pikabu.ru/story/>).

Проанализированный материал еще раз продемонстрировал определенную свободу в обращении с заимствованными словами, свойственную отечественным дискурсивным практикам, ярким и репрезентативным выражением которых является интернет-коммуникация. Это свидетельствует, с одной стороны, о существенном креативном потенциале русского языка, а с другой – о надежности барьеров, поставленных русской грамматикой и прагматикой на пути проникновения инокультурных и инокультурных моделей в «русский мир». В освоении

заимствований русский язык ведет себя как рачительный хозяин: берет из чужого то, что ему нужно, и делает это своим. Иноязычные по происхождению элементы осваиваются и даже присваиваются современными носителями русского языка как часть их собственной, национально-специфичной естественной речевой практики.

1. Новые тенденции в русском языке начала XXI века / Т. Б. Радбиль [и др.]; под ред. Л. В. Рацибурской. – М.: Флинта; Наука, 2014.

2. Радбиль, Т. Б. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская // Мир русского слова. – 2017. – № 2. – С. 33–39.

3. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая; пер. с англ.; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз; авт. вступ. ст. Е. В. Падучева. – М.: Русские словари, 1996.

4. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005.

5. Социокультурные и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов / Т. Б. Радбиль [и др.]; под ред. Л. В. Рацибурской. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2018.